

## Тенденции изменения Семейного кодекса Российской Федерации и практики его применения

**Резюме.** Статья посвящена исследованию процесса внесения изменений и дополнений в семейное и иное отраслевое законодательство, а также тенденций правоприменительной практики в контексте восприятия происходящего как совершенствования механизма семейно-правового регулирования. Автор обращается к новшествам СК РФ и иных федеральных законов, практике Конституционного Суда РФ, позиции Верховного Суда РФ при рассмотрении судами споров, связанных с осуществлением и защитой семейных прав граждан. Автор обосновывает тезис об отсутствии согласованности при внесении точечных изменений и дополнений в законодательство, что не совершенствует законодательство в целом и отдельные нормы в частности, но, наоборот, свидетельствует об отсутствии комплексного подхода и, как следствие, эффективности законотворчества. Правовое регулирование семейных отношений должно быть основано на принципах, демонстрирующих гармонизацию частных и публичных интересов как в семейном, так и в ином отраслевом законодательстве. Автор полагает, что правовое регулирование всех общественных отношений с участием членов семьи должно исходить из приоритета именно семейно-правового статуса лица. В статье также подтверждается значение практики Конституционного Суда РФ, поскольку следствием рассмотрения жалобы может стать искомое совершенствование правового регулирования. Обосновывается и особая роль судебной практики в восполнении пробелов законодательства в сфере семейных отношений, что также может повлечь преобразование сложившихся в доктрине семейного права стереотипов.

Ключевые слова: семейное законодательство; семья; частные интересы; традиционные семейные ценности; семейные отношения; брак; супруги; родители; дети

**Для цитирования:** Ильина О. Ю. Тенденции изменения Семейного кодекса Российской Федерации и практики его применения. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 12. С. 10–22. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.217.12.010-022

### Trends in the Changes of the Family Code of the Russian Federation and the Practice of its Application

Olga Yu. Ilyina  
Tver State University  
Tver, Russian Federation

**Abstract.** The paper dwells on the process of making amendments to family laws and other sectoral laws, as well as trends in the formation of law enforcement practice in the context of the perception of amendments as an improvement in the mechanism of family law regulation. The author refers to the innovations of the Family Code of the Russian Federation and other federal laws, the jurisprudence of the Constitutional Court of the Russian Federation, the position of the Supreme Court of the Russian Federation when the courts consider disputes related to the exercise and protection of family rights of citizens. The author justifies the thesis that there is no

consistency when making targeted changes and additions to the legislation, which not only does not improve the legislation in general and individual norms in particular, but, on the contrary, indicates the lack of an integrated approach and, as a result, the effectiveness of lawmaking. The legal regulation of family relations should be based on principles demonstrating the harmonization of private and public interests in both family and other sectoral legislation. The author believes that the legal regulation of all public relations with the participation of family members should stem from the priority of the family legal status of the person. The article also confirms the importance of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, since the consequence of the consideration of the complaint may be the desired improvement of legal regulation. The special role of judicial practice in filling gaps in the legislation on the regulation of family relations is also being substantiated, which may also entail the transformation of stereotypes prevailing in the doctrine of family law.

**Keywords:** family law; family; private interests; traditional family values; family relationships; marriage; spouses; parents; children

**Cite as:** Ilyina OYu. Trends in the Changes of the Family Code of the Russian Federation and the Practice of its Application. *Lex russica*. 2024;77(12):10-22. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.217.12.010-022

## Введение

Провозглашение Президентом РФ 2024 г. Годом семьи<sup>1</sup>, как и предполагалось, кроме разработки соответствующих национальных целей развития Российской Федерации<sup>2</sup>, совершенствования системы мер государственной поддержки семей с детьми, обусловило и повышение активности субъектов, обладающих правом законодательной инициативы, что, в свою очередь, нашло выражение в разработке целого перечня законопроектов по внесению изменений и дополнений в СК РФ.

В то же время необходимо отметить следующее: во-первых, процесс по корректированию механизма семейно-правового регулирования начался гораздо раньше, а именно после внесения соответствующей поправки в Конституцию РФ<sup>3</sup>; во-вторых, практика Конституционного Суда РФ, а также судов общей юрисдикции по рассмотрению дел, связанных с защитой семейных прав граждан, ставит множество вопросов, от разрешения которых зависит стабильность некоторых институтов семейного законодательства; в-третьих, реализация мер миграционной политики непосредственно проецируется в семейные правоотношения, напрямую соотносится с изменением семейно-правового статуса иностранного гражданина, в связи с чем необ-

ходимо своевременное внесение изменений и в семейно-правовые нормы.

Таким образом, в настоящее время нормативный материал, эмпирическая база, а также законопроекты нуждаются в комплексном исследовании с целью теоретического обоснования как целесообразности внесения ряда изменений и дополнений в СК РФ, так и достижения презюмируемой при этом цели совершенствования правового регулирования семейных отношений. Представляется, что наблюдаемые тенденции изменения действующего законодательства и формирования правоприменительной практики не в полной мере соотносятся именно с совершенствованием СК РФ, особенно в контексте гармонизации частных и публичных интересов в семейных правоотношениях.

## Основная часть

Как было отмечено, точку отсчета новейшего этапа истории отечественного законодательства следует соотносить с появлением в Конституции РФ ряда норм, декларирующих новые принципы правового регулирования отдельных сфер семейных отношений, а также явное усиление приоритета публичного интереса в организации взаимоотношений между членами семьи. В свою очередь, изменения Конституции

<sup>1</sup> Указ Президента РФ от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СЗ РФ. 2023. № 48. Ст. 8560.

<sup>2</sup> Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

<sup>3</sup> Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.02.2024).

и «оживление» законотворческого процесса естественно обусловили активизацию научных исследований по вопросам семьи и брака, в том числе относительно терминологии и понятийного аппарата. Можно обратиться к научной дискуссии о якобы закреплении в Конституции понятия брака, традиционных семейных ценностей и ряда других семейно-правовых категорий. Отметим, что понятия не только отсутствуют, но и не предполагались. Совершенно не обязательно, чтобы в законе раскрывалось содержание уже используемых в его тексте либо вводимых понятий, что находит подтверждение в российском законодательстве, прежде всего в исследуемом СК РФ. Государство всего лишь очередной раз, но на совершенно другом уровне обозначило ценность института семьи и брака.

Позволим себе предположить, что, кроме декларативного стиля и акцента на понимании брака исключительно как союза мужчины и женщины, заключаемого с целью создания семьи, государство демонстрирует в данном случае потребность в решении и практико-ориентированных задач.

Во-первых, история института фиктивного брака в отечественном семейном законодательстве сопровождается научной дискуссией о понимании семьи, для создания которой и заключается (должен заключаться) брак<sup>4</sup>. При этом соответствующие нормативные предписания подлежали толкованию в каждом конкретном случае, что порождало еще больше вопросов в сфере правоприменения.

В связи с этим стоит приветствовать Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным 2022 г.<sup>5</sup>, однако настораживает преамбула, в которой исчерпывающим образом, но весьма широко установлены признаки семьи, на создание которой должна быть направлена воля мужчины и женщины, вступающих в брак: «совместное проживание, предполагающее ведение общего хозяйства (при этом временное неположение супругов вме-

сте в связи с работой, лечением, в силу других объективных факторов не рассматривается как отсутствие такового); построение семейных отношений на основании духовно-нравственных начал и чувств; забота друг о друге; совместное решение основных вопросов жизни семьи; наличие взаимных личных неимущественных и имущественных прав и обязанностей, взаимной ответственности».

Представляется, что данное Пленумом Верховного Суда РФ определение понятия семьи может стать прокрустовым ложем, поскольку судьи будут ориентироваться на некий «трафарет», решая при рассмотрении соответствующих исков вопрос о действительном характере намерений супругов.

Отметим, что законодатель своеобразным образом поощряет раздельное проживание супругов при фактическом прекращении супружеских отношений, предусматривая в п. 4 ст. 38 СК РФ возможность признания собственностью каждого из супругов имущества, нажитого им в период раздельного проживания при прекращении семейных отношений. Представляется, что эта норма может спровоцировать злоупотребление правом со стороны супругов, намеревающихся вывести определенную часть имущества из состава общего имущества, дабы избежать обращения взыскания на это имущество по инициативе кредиторов. Раздельное проживание супругов может быть обусловлено и уважительными причинами, однако в судебной практике по признанию браков недействительными наметилась тенденция к подтверждению факта совместного проживания супругов, что не может не учитываться и при рассмотрении иных споров, возникающих из семейных правоотношений. Согласимся с мнением, что «и буква, и смысл семейного закона в обсуждаемом вопросе далеко не столь очевидны, как кажется на первый взгляд»<sup>6</sup>, полагая вполне обоснованным предложение: пирамиду следует перевернуть, зафиксировав в качестве общего правила для супружеского

<sup>4</sup> См.: *Ильина О. Ю.* Заключение брака и цель создания семьи: несовпадение предполагаемого // Пермский юридический альманах. 2023. Вып. 6. С. 204–213; *Тарусина Н. Н.* Семья как общеправовая категория // *Lex russica*. 2020. Т. 43. № 4. С. 21–33; *Трофимец И. И.* К вопросу о понятийном аппарате семейного права: определение юридических категорий «семья» и «брак» // Семейное право. 2024. № 3. С. 20–23.

<sup>5</sup> Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3.

<sup>6</sup> *Тарусина Н. Н.* О семейно-правовом значении фактов личного характера в супружеских правоотношениях // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 17.

союза условие о совместном проживании, но предусмотрев исключения из него при наличии уважительных причин<sup>7</sup>.

Высокий общественный резонанс вызвал законопроект о признании фактических отношений брачными<sup>8</sup>, при этом в случае принятия соответствующего закона изменения будут внесены не в СК РФ, а в Федеральный закон от 26.11.2001 № 147-ФЗ «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Ключевые положения данного законопроекта содержат основания для установления судом соответствующего факта — совместного проживания мужчины и женщины. При этом по общему правилу срок совместного проживания и ведения общего хозяйства должен быть не менее трех лет, при наличии же совместного ребенка достаточно и года. Да, указанный законопроект ориентирован на решение задач, сопряженных с гибелью, безвестным отсутствием или объявлением умершим одного из лиц, состоящих в фактических брачных отношениях, в связи с участием в специальной военной операции, проживанием или временным пребыванием на соответствующих территориях, но практическая реализация предлагаемых нововведений способна породить еще больше проблем в сфере осуществления и защиты семейных прав граждан.

Необходимо подчеркнуть цель принятия вышеуказанного закона, поскольку относительно недавно один из его разработчиков занимал совершенно иную, но оправданную позицию: «Приравнивание сожительства и официального брака вряд ли приведет к укреплению стабильности, а при наличии фактической связи одновременно с брачными отношениями, зарегистрированными в органах загса, может создать конкуренцию в наследственных, жилищных и

семейных отношениях»<sup>9</sup>. Изменение социальных и политических условий ставит перед законодателем задачи другого характера, что, по нашему мнению, может изменить и направленность дискуссии в доктрине семейного права<sup>10</sup>.

Изменение геополитической ситуации обнажило еще один вопрос, наиболее ярко и болезненно проявлявшийся в семейных правоотношениях. Речь идет о смене пола гражданином и упорядочивании соответствующих правовых последствий. Несмотря на то что в науке семейного права многие годы с той или иной степенью постоянства поднимался вопрос проблемы прекращения брака в связи со сменой пола одним из супругов<sup>11</sup>, только в 2023 г. в ряд статей СК РФ были внесены изменения<sup>12</sup>. Конечно же, в первую очередь была дополнена статья 16 СК РФ указанием на внесение изменения в запись акта гражданского состояния об изменении пола одним из супругов как на еще одно основание для прекращения брака.

Кроме этого, смена пола стала препятствием для гражданина, намеревающегося впоследствии стать усыновителем, опекуном, попечителем, приемным родителем (ст. 127, 146 СК РФ).

Казалось бы, кардинальные и достаточные изменения в регулировании семейных отношений. В то же время, на наш взгляд, нерешенным остался вопрос регулирования отношений, связанных с осуществлением родительских прав лицами, сменившими пол. Ранее автор уже обращал на это внимание, апеллируя к ст. 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающей ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола, в том числе за распространение соответствующей информации среди несовершеннолетних<sup>13</sup>. «К сожалению,

<sup>7</sup> Зыков С. В. Личные неимущественные права супругов: необходимость правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 189–208.

<sup>8</sup> Законопроект № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации”» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8> (дата обращения: 05.02.2024).

<sup>9</sup> Крашенинников П. В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3–7.

<sup>10</sup> Сочнева О. И. Фактический брак: юридическое забвение или право выбора // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13. № 3. С. 395–405.

<sup>11</sup> Прощалыгин Р. А. Правовые последствия изменения пола одним из супругов во время брака // Семейное и жилищное право. 2016. № 2. С. 17–20.

<sup>12</sup> Федеральный закон от 24.07.2023 № 386-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5812.

вольное толкование и особенно восприятие сути понятия “приватность”, ограничений усмотрения при установлении границ частной жизни приводят к тому, что ребенок может “воспитываться” в союзе лиц одного пола, проживающих совместно»<sup>14</sup>. Полагаем, что продолжение взаимоотношений между ребенком и родителем при таких условиях не только не отвечает интересам ребенка, но и явно противоречит им, а также нормальному психическому, духовному и нравственному развитию ребенка.

Обоснованным видится вопрос о распространении открытого перечня оснований для ограничения родительских прав, объединенных признаком опасности для ребенка по причинам, не зависящим от родителей, на смену пола одним из родителей. На наш взгляд, соответствующее решение родителя должно стать безусловным основанием для лишения его родительских прав, в связи с чем в совершенствовании нуждается статья 69 СК РФ. Именно в этом случае можно будет утверждать о комплексном подходе законодателя к регулированию семейных отношений в связи со сменой пола гражданином, являющимся субъектом семейных правоотношений.

Следующим трендом, демонстрирующим усиление публичного интереса в семейных правоотношениях, является установление запретов в сфере применения договора о суррогатном материнстве, которое стало своеобразной формой продажи детей<sup>15</sup>. Примечательно, что в данном случае параллельно были внесены изменения в СК РФ и федеральные законы «Об актах гражданского состояния»<sup>16</sup> и «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»<sup>17</sup>. Прежде всего, обращает на себя внимание условие о наличии гражданства Российской Федерации у суррогатной матери, а также

у потенциальных родителей, намеревающихся воспользоваться ее услугами (оба родителя или только генетическая мать, не состоящая в браке), что однозначно остановило практику заключения договоров о суррогатном материнстве с иностранными гражданами<sup>18</sup>.

Нельзя не отметить и попытку законодателя упорядочить статус потенциальных родителей (генетических родителей), что нашло отражение в ч. 9 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Речь идет о том, что потенциальные родители должны состоять в браке между собой, исключением выступает правило, относящееся к одинокой женщине, для которой вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям. Более того, установление в ч. 3 данной статьи запрета («Право на применение вспомогательных репродуктивных технологий в виде суррогатного материнства не распространяется на мужчину и женщину, которые не состоят в браке») наконец поставило точку как в дискуссии<sup>19</sup>, так и в практике изначального формирования модели родительского правоотношения с отцом как единственным родителем. К сожалению, в истории записи актов гражданского состояния еще долго будет шокировать современников и потомков прочерк в графе «сведения о матери».

В то же время и здесь законодатель не завершил совершенствование семейного законодательства. Полагаем, что ввиду необходимости укрепления семьи (ст. 1 СК РФ) и обеспечения традиционных семейных ценностей есть все основания для внесения кардинальных изменений в механизм регулирования отношений между потенциальными родителями ребенка и суррогатной матерью, причем это будет соответствовать интересам обеих сторон. Считаем,

<sup>13</sup> Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

<sup>14</sup> Ильина О. Ю. Новшества Семейного кодекса Российской Федерации: предпосылки, содержание и последствия // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2023. № 3 (75). С. 7–15.

<sup>15</sup> Федеральный закон от 19.12.2022 № 538-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 52. Ст. 9368.

<sup>16</sup> Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об актах гражданского состояния» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

<sup>17</sup> Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

<sup>18</sup> Толстикова О. М. Правовые вопросы толкования и реализации норм, регулирующих применение метода суррогатного материнства // Семейное и жилищное право. 2023. № 3. С. 17.

<sup>19</sup> Ильина О. Ю. Статус участников программы экстракорпорального оплодотворения в контексте возникновения родительских прав и обязанностей // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2020. № 2 (62). С. 108–116.



что приоритет так называемого социального родительства должен быть устранен посредством исключения из п. 4 ст. 51 СК РФ указания на необходимость получения согласия суррогатной матери для совершения записи о родителях.

Еще одним самостоятельным направлением совершенствования законодательства стала реализация мер по усилению контроля государства в механизме регулирования отношений с участием иностранных граждан. Обращает на себя внимание то, что новшества в правовом режиме иностранных граждан, пребывающих на территории Российской Федерации, во многом соотносятся с семейно-правовым статусом указанных лиц (данный Закон вступает в силу с 25 января 2025 г.)<sup>20</sup>. Так, ужесточение миграционной политики обусловлено среди прочего ростом числа браков, заключенных иностранными гражданами с гражданами РФ и признанных недействительными как фиктивных. Дело в том, что действующая редакция пп. 4 п. 3 ст. 6 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в качестве основания для получения разрешения на временное проживание без учета выделенной квоты предусматривает состояние иностранного гражданина в браке с гражданином РФ, проживающим на территории соответствующего субъекта РФ. Согласно внесенным изменениям при решении указанного вопроса будет учитываться не менее чем трехлетний срок состояния в браке до момента обращения за разрешением, или срок супружества может быть менее трех лет, если у иностранного гражданина в этом браке имеется ребенок, рожденный (усыновленный) в период именно данного брака.

Среди оснований для отказа в выдаче или аннулирования ранее выданного разрешения на временное проживание тоже предполагаются существенные дополнения. Во-первых, будет учитываться не только признание недействительным брака, заключенного между иностранным гражданином и гражданином РФ, как в настоящее время, но и расторжение такого брака. Во-вторых, предполагается дополнение имеющегося перечня теми основаниями, которые связаны со статусом иностранного гражданина в родительском правоотношении,

в частности с лишением или ограничением родительских прав в отношении ребенка, родившегося в браке с гражданином РФ, с отменой усыновления, если ребенок был усыновлен, а также с исключением сведений о данном гражданине из записи акта о рождении ребенка, например при удовлетворении судом иска об оспаривании отцовства.

Отметим, что аналогичные, по сути, основания предусмотрены в качестве нововведения и при решении вопроса об отказе в выдаче или аннулировании ранее выданного вида на жительство.

Казалось бы, законодатель предусмотрел комплекс мер, исключающих злоупотребления в сфере семейных правоотношений с участием иностранных граждан, поскольку и супружеский, и родительский статусы иностранного гражданина прямо соотнесены с получением разрешения на временное проживание и вида на жительство.

К сожалению, это не так, поскольку по-прежнему в соответствии со ст. 50 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» иностранный гражданин и гражданка РФ, отцовство в отношении ребенка которой не установлено, могут обратиться с совместным заявлением об установлении отцовства в отношении этого ребенка. Орган записи актов гражданского состояния не наделен полномочиями выяснения каких-либо спорных обстоятельств, даже явствующих из обстановки, ограничен и перечень оснований для отказа в государственной регистрации акта гражданского состояния.

Можно предположить, что лучшим вариантом станет запрет на установление отцовства в административном порядке вообще, поскольку интересы несовершеннолетнего приоритетны и не могут определяться волей, прежде всего, матери ребенка. Ведь именно мать решает вопрос о внесении в запись акта о рождении сведений об отце, если ребенок рожден от лиц, не состоящих в браке между собой. Применительно же к иностранным гражданам иногда складывается достаточно пикантная ситуация, сопровождаемая необходимостью выяснения юридически значимых вопросов, которые должны быть отнесены к компетенции суда.

<sup>20</sup> Федеральный закон от 26.10.2024 № 358-ФЗ «О внесении изменений в статью 25.6 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202410260007> (дата обращения: 05.02.2024).

Кстати, в сфере заключения брака с иностранными гражданами предполагаются коррективы (соответствующая редакция ст. 156 СК РФ вступает в силу с 5 февраля 2025 г.): условия заключения брака на территории Российской Федерации по-прежнему будут определяться законодательством государства, гражданином которого является лицо в момент заключения брака, препятствия же к заключению брака определяются в соответствии со ст. 14 СК РФ. Но не допускается заключение брака между лицами, хотя бы одно из которых является иностранным гражданином или лицом без гражданства, сведения о которых внесены в реестр контролируемых лиц, предусмотренный законодательством о правовом положении иностранных граждан в РФ<sup>21</sup>. Таким образом, органы загса при приеме заявления о государственной регистрации заключения брака иностранным гражданином или лицом без гражданства должны будут проверять заявителя на предмет включения в указанный реестр.

В течение нескольких последних лет наблюдается также тенденция точечного воздействия на механизм семейно-правового регулирования посредством исполнения актов Конституционного Суда РФ. Приведем наиболее значимые примеры, по нашему мнению, с точки зрения воздействия на правовое регулирование семейных отношений в контексте совершенствования семейного законодательства. Так, в постановлении от 02.03.2021 № 4-П Конституционный Суд РФ выразил свою позицию по жалобе, связанной с защитой прав наследников лица, записанного в качестве отца ребенка на основании подложных документов, т.е. при отсутствии на то волеизъявления мужчины<sup>22</sup>. Следствием этого стало дополнение п. 1 ст. 52 СК РФ самостоятельным абзацем. С учетом весьма уязвимой, на наш взгляд, предложенной редакции воспроизведем текст полностью: «Запись об отце ребенка в книге записи рождений, произведенная в соответствии с пунктом 2 статьи 51

настоящего Кодекса, может быть оспорена в судебном порядке также по требованию наследника лица, записанного в качестве отца ребенка. Соответствующее требование может быть удовлетворено в случае нарушения положений указанного пункта, в том числе если такая запись произведена на основании подложных документов либо без свободного волеизъявления лица, отцовство которого было установлено во внесудебном порядке».

Отметим, что пункт 2 ст. 51 СК РФ предусматривает порядок совершения записи об отце во внесудебном порядке на основании не только совместного заявления матери и отца ребенка, но и заявления отца ребенка в соответствии с п. 3 ст. 48 СК РФ (если мать ребенка умерла, признана недееспособной, лишена родительских прав или место ее нахождения установить невозможно).

Предложенная редакция абз. 2 п. 1 ст. 52 СК РФ не содержит какой-либо конкретизации в части подачи совместного заявления для внесения в книгу записи рождений записи об отце ребенка, как это предписано в постановлении Конституционного Суда РФ.

Значит ли это, что законодатель тем самым фактически предоставил наследникам право оспаривать запись об отце ребенка, произведенную на основании п. 2 ст. 51 СК РФ, при наличии не только совместного заявления родителей ребенка, но и заявления только отца? Вышеприведенный текст позволяет дать положительный ответ, хотя позиция Конституционного Суда РФ была ясно и четко выражена применительно только к подаче совместного заявления отца и матери ребенка.

Весьма интересной и перспективной с точки зрения формирования судебной практики видится позиция Конституционного Суда РФ, отраженная в постановлении от 02.03.2023 № 7-П и сформулированная в результате рассмотрения жалобы, связанной с предполагаемой неконституционностью п. 2 ст. 17 Гражданского кодекса РФ<sup>23</sup>. По мнению заявительницы,

<sup>21</sup> Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/00012024080800069> (дата обращения: 06.02.2024).

<sup>22</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2021 № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. С. Шишкиной» // СЗ РФ. 2021. № 11. Ст. 1881.

<sup>23</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2023 № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. В. Григорьевой» // СЗ РФ. 2023. № 11. Ст. 1868.

оспариваемая норма противоречит ряду статей Конституции РФ в той мере, в какой она не позволяет взыскать с виновного лица моральный вред, причиненный еще не родившемуся ребенку смертью его отца. Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что «положение пункта 2 статьи 17 ГК РФ о возникновении правоспособности гражданина в момент рождения не предполагает его применения в качестве основания для отказа в реализации субъективного права ребенка, родившегося после смерти отца, требовать компенсации морального вреда, связанного с нарушением его личных неимущественных прав и иных нематериальных благ, принадлежащих ему от рождения или в силу закона, неотчуждаемых и непередаваемых иным способом (пункт 1 статьи 150 ГК Российской Федерации)».

Представленная позиция Конституционного Суда РФ в корне меняет стереотипное понимание возникновения правоспособности исключительно в момент рождения, хотя в семейных правоотношениях охрана интересов еще не родившегося ребенка демонстрируется статьей 17 СК РФ при установлении запрета для мужа на возбуждение дела о расторжении брака без согласия беременной жены. Представляется, что личные неимущественные права, предусмотренные в ст. 54 СК РФ (право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание), подлежат защите при нарушении третьими лицами, даже если ребенок еще не родился.

Полагаем, что теория родительского правоотношения, сложившаяся в отечественной доктрине семейного права, может быть пере-

смотрена с точки зрения механизма охраны и защиты интересов неродившегося ребенка, в том числе и от посягательств со стороны его родителей.

Справедливости ради укажем и на другие акты Конституционного Суда РФ, в которых обоснована неконституционность отдельных положений действующего законодательства, что повлекло за собой совершенствование правовой регламентации отношений с участием членов семьи<sup>24</sup>. Совершенно оправданным является и мнение о значении суждений и выводов Конституционного Суда РФ, выраженных применительно к жалобам иной направленности, но косвенно затрагивающих проблематику защиты семейных прав<sup>25</sup>.

Рассуждения о новых подходах в восприятии и исследовании правоотношений между родителями и детьми можно продолжить, обратившись к определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.01.2024 № 30-КГ23-9-К5 по делу О. Н. Назаренко<sup>26</sup>. Суть дела в следующем: мать военнослужащего, погибшего в ходе специальной военной операции, требовала лишить ее бывшего мужа — отца погибшего — права на получение соответствующих выплат в связи с гибелью сына. Мать погибшего обосновывала свое требование тем, что бывший муж при жизни сына уклонялся от его воспитания, судьбой сына не интересовался, материально не содержал. В судебном заседании было установлено, что ответчик выплачивал алименты на сына в полном объеме в соответствии с судебным приказом. Суд первой инстанции удовлетворил иск О. Н. Назаренко, однако апелляционная инстанция приняла новое решение об отказе в

<sup>24</sup> Например, см.: постановления Конституционного Суда РФ от 31.01.2014 № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Аникиева» ; от 16.06.2015 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гузиной» ; от 20.06.2018 № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К. С. и гражданки Р. С.» ; от 25.06.2020 № 29-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина И. В. Николаенко» // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.02.2024).

<sup>25</sup> Шершень Т. В. О значении решений Конституционного Суда Российской Федерации в защите семейных прав и правовом регулировании семейных отношений // Семейное и жилищное право. 2009. № 2. С. 3–7.

<sup>26</sup> URL: [https://www.vsrfr.ru/stor\\_pdf.php?id=2333912](https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=2333912) (дата обращения: 05.03.2024).



удовлетворении исковых требований, а соответствующее определение было оставлено без изменения кассационным судом.

Что же стало камнем преткновения при рассмотрении искового заявления матери погибшего военнослужащего? Суд первой инстанции посчитал, что выплата алиментов в незначительном размере (отец погибшего не имел задолженности по выплате алиментов) и тот факт, что ответчик не был лишен родительских прав, не могут свидетельствовать об участии отца в воспитании и содержании сына. Суд апелляционной инстанции, наоборот, заключил, что лишение родителя погибшего военнослужащего прав на получение соответствующих выплат возможно только при наличии обстоятельств, которые могли бы служить основанием для лишения родительских прав. При этом в суде апелляционной инстанции не были опровергнуты доводы ответчика о том, что именно взаимоотношения между ним и истицей мешали его нормальному общению с ребенком, в связи с чем ответчик интересовался жизнью сына через родственников, переписывался с сыном в социальных сетях (что было подтверждено перепиской и фотографиями в суде).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ считает, что выводы судов апелляционной и кассационной инстанций основаны на неправильном толковании и применении норм материального права. «Такое правовое регулирование, — подчеркивает Судебная коллегия в определении, — гарантирующее родителям военнослужащих, погибших при исполнении обязанностей военной службы, названные выплаты, имеет целью не только восполнить связанные с этим материальные потери, но и выразить от имени государства признательность гражданам, вырастившим и воспитавшим достойных членов общества — защитников Отечества. <...> Круг лиц, имеющих право на получение мер социальной поддержки в случае гибели (смерти) военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы, среди которых родители такого военнослужащего, не исключает различий в их фактическом положении и учета при определении наличия у родителей погибшего военнослужащего права на меры социальной поддержки в связи с его гибелью (смертью) их действий по воспитанию, физическому, умственному, духов-

ному, нравственному, социальному развитию и материальному содержанию такого лица и имеющихся между ними фактических родственных и семейных связей. ...Лишение права на получение таких мер социальной поддержки возможно при наличии обстоятельств, которые могли бы служить основаниями для лишения родителей родительских прав в случае уклонения от исполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов»<sup>27</sup>.

Отметим, что это далеко не единственное дело, связанное с рассмотрением вопроса о лишении одного из родителей права на получение выплат, связанных с гибелью (смертью) военнослужащего в ходе специальной военной операции. Таким образом, возникает необходимость оценивания отдаленных правовых последствий ненадлежащего осуществления родителем своих прав, даже при отсутствии каких-либо претензий со стороны другого родителя в период несовершеннолетия погибшего ребенка.

Теория родительского правоотношения предполагает сохранение правовой связи между родителями и детьми и после достижения последними совершеннолетия. В соответствии со ст. 71 СК РФ лишение родительских прав предполагает лишение одного или обоих родителей всех прав, основанных на факте родства с ребенком, в том числе права на льготы и государственные пособия, выплачиваемые гражданам, имеющим детей.

Следовательно, если родитель не лишен родительских прав, законодателем презюмируется надлежащий характер осуществления им своих прав и обязанностей по содержанию и воспитанию ребенка. Современная же судебная практика демонстрирует примеры опровержения такой презумпции, причем, во-первых, в период, когда ребенок уже был совершеннолетним, и, во-вторых, речь идет о применении последствий только в части выплаты государством возмещения в связи с гибелью (смертью) военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы.

Можно провести аналогию между обозначенными правоотношениями и наследованием в порядке применения п. 2 ст. 1117 ГК РФ («По требованию заинтересованного лица суд отстраняет от наследования по закону граждан,

<sup>27</sup> Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.01.2024 № 30-КГ23-9-К5.

злостно уклонявшихся от исполнения лежащих на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя»). Пленум Верховного Суда РФ в п. 20 постановления «О судебной практике по делам о наследовании»<sup>28</sup> подчеркивает: «Граждане могут быть отстранены от наследования по указанному основанию, если обязанность по содержанию наследодателя установлена решением суда о взыскании алиментов. Такое решение суда не требуется только в случаях, касающихся предоставления содержания родителями своим несовершеннолетним детям».

На наш взгляд, только злостное уклонение от исполнения обязанностей по содержанию несовершеннолетних детей может повлечь последствия в виде лишения отдельных прав, в частности права на получение выплат в связи с гибелью (смертью) военнослужащего. Как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ в п. 16 постановления от 14.11.2017 № 44, «о злостном характере уклонения от уплаты алиментов могут свидетельствовать, например, наличие задолженности по алиментам, образовавшейся по вине плательщика алиментов... сокрытие им действительного заработка и (или) иного дохода... розыск родителя, обязанного уплачивать алименты, ввиду сокрытия им места своего нахождения; привлечение родителя к административной или уголовной ответственности за неуплату средств на содержание несовершеннолетнего...»<sup>29</sup>.

В рамках статьи не предполагается анализ материалов судебной практики во всем ее разнообразии при разрешении споров, связанных с установлением семейно-правового статуса лица и возможностей (обязательств) в сфере

осуществления семейных прав или исполнения семейных обязанностей<sup>30</sup>. В то же время интересна последовательность формирования некой установки: еще в 2017 г. Пленум Верховного Суда РФ в п. 44 постановления № 56 фактически вышел за пределы нормы закона, разъяснив: «В случае, если уход за общим ребенком супругов до достижения им возраста трех лет осуществляется отцом ребенка, а мать ребенка устранена от его воспитания и содержания, исходя из аналогии закона (статья 5 СК РФ) указанный супруг (бывший супруг) вправе обратиться в суд с иском к супруге (бывшей супруге) о предоставлении содержания до достижения ребенком возраста трех лет»<sup>31</sup>. Подчеркнем: на тот момент редакция ст. 89 и 90 СК РФ содержала указание на четко поименованного субъекта — «жену», «бывшую жену», т.е. обоснованность применения аналогии закона не выдерживает критики. Кстати, правило, предполагающее возможность взыскания алиментов на содержание как жены, так и мужа, фактически воспитывающих ребенка до достижения им трех лет, содержится в законодательстве ряда государств — участников СНГ<sup>32</sup>. Однако спустя семь лет разъяснения Пленума ВС РФ трансформировались в правовую норму посредством внесения изменений в названные статьи СК РФ<sup>33</sup>.

Очевидно, практика применения соответствующих положений при рассмотрении судами требований о взыскании алиментов на содержание супруга (бывшего супруга), на воспитании и содержании которого фактически находится ребенок, не достигший трех лет, обусловила потребность в защите интересов такого супруга посредством смещения баланса интересов матери и отца ребенка.

<sup>28</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>29</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>30</sup> Тарусина Н. Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex russica. 2019. № 5. С. 40–48.

<sup>31</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>32</sup> Ильина О. Ю. Особенности правового регулирования алиментных обязательств между супругами (бывшими супругами) по законодательству Российской Федерации и Республики Армения // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2022. № 4 (43). С. 39–46.

<sup>33</sup> Федеральный закон от 31.07.2023 № 403-ФЗ «О внесении изменений в статьи 89 и 90 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

## Заключение

Современный период развития общества и государства характеризуется неоспоримым усилением публичных начал в регулировании семейных отношений, зачастую воспринимаемых как приватная сфера общения, построенная на чувствах взаимной любви и уважения, предполагающая разрешение внутрисемейных вопросов по взаимному согласию и не допускающая произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи (ст. 1 СК РФ). Семья оказалась социально-правовым институтом, подвергшимся прямому или косвенному воздействию со стороны законодателя и правоприменителя, о чем свидетельствуют принятые законы, материалы судебной практики, а также находящиеся на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания РФ законопроекты с весьма реальной перспективой принятия. И дело не только в стремлении соответствующих субъектов реализовать право законодательной инициативы в Год семьи.

Изменение геополитической ситуации, новые политические, социальные и экономические вызовы в пределах страны и международного сообщества потребовали внесения коррективов в механизм правового регулирования либо непосредственно семейных, либо смежных с ними отношений. Семейно-право-

вой статус лица, характер взаимоотношений между членами семьи стали предметом исследования при формировании различных направлений государственной политики, национальных проектов и программ.

Впрочем, точечные изменения и дополнения, вносимые в отечественное законодательство, не всегда могут быть признаны совершенствованием ввиду отсутствия системного и комплексного подходов, учета специфики регулирования семейных правоотношений при реформировании механизма правовой регламентации иных сфер общественных отношений, так и или иначе соотносимых с правами и обязанностями лиц в семье.

Отсутствие судебного прецедента как источника права фактически опровергнуто, поскольку именно при рассмотрении отдельных категорий дел, возникающих не только из семейных, но и из иных правоотношений, формируется новая практика при отсутствии правовых предписаний, а иногда и вопреки сложившимся в теории семейного права концептам.

Вышеизложенные суждения позволяют утверждать о необходимости формирования научно обоснованной стратегии и программы законотворчества, в том числе подготовки принципиально нового по структуре, объему и содержанию Семейного кодекса РФ, учитывающего новую конституционную доктрину.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зыков С. В. Личные неимущественные права супругов: необходимость правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 189–208.

Ильина О. Ю. Новшества Семейного кодекса Российской Федерации: предпосылки, содержание и последствия // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2023. № 3 (75). С. 7–15.

Ильина О. Ю. Особенности правового регулирования алиментных обязательств между супругами (бывшими супругами) по законодательству Российской Федерации и Республики Армения // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2022. № 4 (43). С. 39–46.

Ильина О. Ю. Статус участников программы экстракорпорального оплодотворения в контексте возникновения родительских прав и обязанностей // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2020. № 2 (62). С. 108–116.

Ильина О. Ю. Заключение брака и цель создания семьи: несовпадение предполагаемого // Пермский юридический альманах. 2023. Вып. 6. С. 204–213.

Крашенинников П. В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3–7.

Прощалыгин Р. А. Правовые последствия изменения пола одним из супругов во время брака // Семейное и жилищное право. 2016. № 2. С. 17–20.

Сочнева О. И. Фактический брак: юридическое забвение или право выбора // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13. № 3. С. 395–405.

Тарусина Н. Н. О семейно-правовом значении фактов личного характера в супружеских правоотношениях // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 16–18.

- Тарусина Н. Н. Семья как общеправовая категория // *Lex russica*. 2020. Т. 43. № 4. С. 21–33.
- Тарусина Н. Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // *Lex russica*. 2019. № 5. С. 40–48.
- Толстикова О. М. Правовые вопросы толкования и реализация норм, регулирующих применение метода суррогатного материнства // *Семейное и жилищное право*. 2023. № 3. С. 17–21.
- Трофимец И. И. К вопросу о понятийном аппарате семейного права: определение юридических категорий «семья» и «брак» // *Семейное право*. 2024. № 3. С. 20–23.
- Шершень Т. В. О значении решений Конституционного Суда Российской Федерации в защите семейных прав и правовом регулировании семейных отношений // *Семейное и жилищное право*. 2009. № 2. С. 3–7.

## REFERENCES

- Ilyina OYu. Features of the legal regulation of alimony obligations between spouses (ex-spouses) under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Armenia. *Bulletin of the Russian-Armenian (Slavic) University. Humanities and Social Sciences*. 2022;4(43):39-46. (In Russ.).
- Ilyina OYu. Innovations of the Family Code of the Russian Federation: prerequisites, content and consequences. *Herald of Tver State University. Series: Pravo*. 2023;3(75):7-15. (In Russ.).
- Ilyina OYu. Marriage and the purpose of creating a family: discrepancy between the alleged. *Perm Legal Almanac*. 2023;6:204-213. (In Russ.).
- Ilyina OYu. Status of participants in the in vitro fertilization program in the context of the emergence of parental rights and responsibilities. *Herald of Tver State University. Series: Pravo*. 2020;2(62):108-116. (In Russ.).
- Krashennnikov PV. Does Russia need a new Family Code? *Family and Housing Law*. 2017;1:3-7. (In Russ.).
- Proshdalygin RA. Legal Consequences of Sex Reassignment of one of Spouses During Their Marriage. *Family and Housing Law*. 2016;2:17-20. (In Russ.).
- Shersten TV. On the significance of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the protection of family rights and the legal regulation of family relations. *Family and Housing Law*. 2009;2:3-7. (In Russ.).
- Sochneva OI. Actual marriage: legal oblivion or the right to choose. *Demidov Legal Journal*. 2023;13(3):395-405. (In Russ.).
- Tarusina NN. Court Practice in Family Disputes: Problems of Discretion on the Verge of Law-Making. *Lex russica*. 2019;5:40-48. (In Russ.).
- Tarusina NN. Family as a General Legal Structure. *Lex russica*. 2020;43(4):21-33. (In Russ.).
- Tarusina NN. On the family and legal significance of personal facts in marital relations. *Family and Housing Law*. 2023;4:16-18. (In Russ.).
- Tolstikova OM, Kostyukhina OV. Legal Issues of Interpretation and Implementation of Provisions Regulating the Application of the Surrogacy Method. *Family and Housing Law*. 2023;3:17-21. (In Russ.).
- Trofimets II. On the conceptual framework of family law: the definition of the legal categories of family and marriage. *Family and Housing Law*. 2024;3:20-23. (In Russ.).
- Zykov SV. Personal non-property rights of spouses: the need for legal regulation. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2019;2:189-208. (In Russ.).

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Ильина Ольга Юрьевна**, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, декан юридического факультета Тверского государственного университета  
д. 33, Желябова ул., г. Тверь 170100, Российская Федерация  
ilina.oy@tversu.ru



---

**INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**

**Olga Yu. Ilyina**, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law, Dean of the Law Faculty, Tver State University, Tver, Russian Federation  
ilina.oy@tversu.ru

*Материал поступил в редакцию 13 апреля 2024 г.*

*Статья получена после рецензирования 14 ноября 2024 г.*

*Принята к печати 22 ноября 2024 г.*

*Received 13.04.2024.*

*Revised 14.11.2024.*

*Accepted 22.11.2024.*